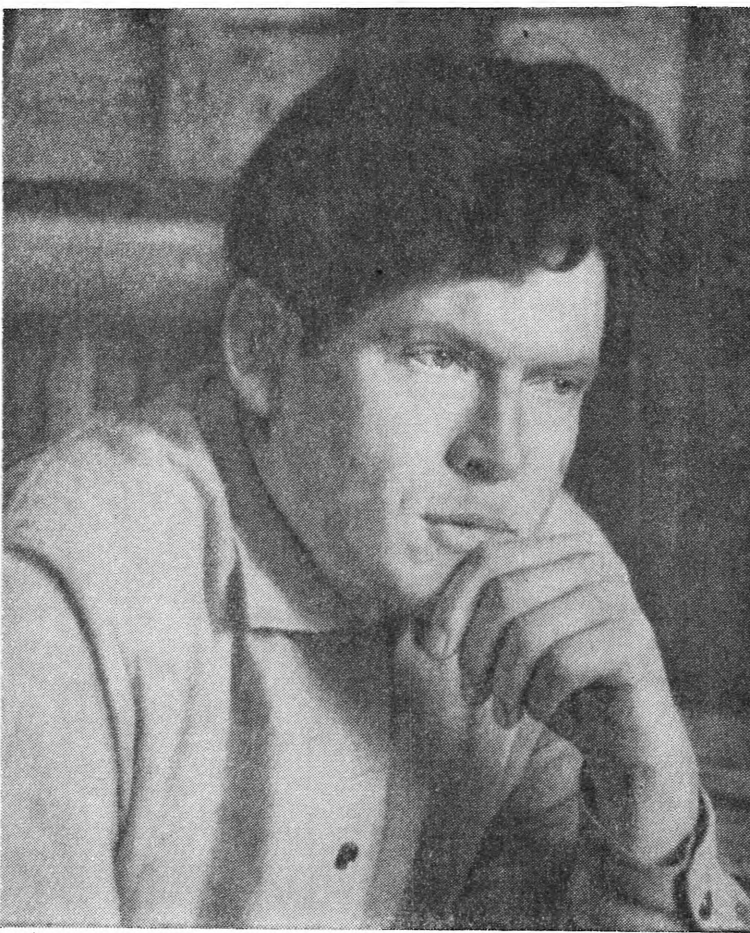

Урою Кадзев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“
МОСКВА — 1963

ГОРЬ
ОБЗЕВ

ЛИЦОМ
к СОЛНЦУ

Н О В Ы Е С Т И Х И

ЧИТАТЕЛЮ О КНИГЕ

«Лицом к солнцу» — седьмой сборник стихов московского поэта Игоря Кобзева. В него вошли новые, не печатавшиеся в прежних книгах поэта стихи. В форме коротких лирических зарисовок и раздумий автор сборника говорит с читателем обо всем новом, что рождается в нашей жизни: о хозяйской гордой походке рабочего человека, о том, как «люди становятся звездами», о том, как утверждаются высокие нормы этики, эстетики и морали у молодежи наших дней.

Многие стихи сборника явились результатом поездок автора по стране. Теме дорожных встреч целиком посвящен второй раздел книги — «Пути-дороги», а также часть раздела «Была война».

В книге много стихотворений о любви, о дружбе, адресованных в основном молодому читателю. Поэт стремится поставить в них волнующие проблемы искренности и чистоты человеческих отношений, выступает против фальши, ханжества и равнодушия, где бы они ни проявлялись.

В последнем разделе «Москва — Париж» собраны стихи, написанные Игорем Кобзевым по впечатлениям его недавней поездки во Францию.

НОВАЯ
БЕЧА

НА УЛИЦЕ

Улица. Утро. Нарядные платья.
Чьи-то сияющие глаза...
И вдруг на сыром асфальте —
Визжащие тормоза...

И в тот же момент мужчина
Бросается, не дыша,
Из-под колес машины
Выхватить малыша...

Я знаю — ему в больнице
Придется потом лежать,
И станет о нем молиться
Счастливая чья-то мать.

Он вовсе ей не знакомый,
С далекой своей судьбой,—
Тогда по каким законам
Пожертвовал он собой?!

...Не верю в людскую слабость,
Обиды, вражду и кровь,

А верю в мужскую храбрость,
В содружество и любовь.

Конечно, бывает грубость
В автобусах и в кино,—
Но люди друг друга любят,
Я верю в это давно.

ДРУЗЬЯМ-ГЕОЛОГАМ

Не бойтесь простуды,
А бойтесь «уют»!
Пусть комната ваша
Скрипит, как каюта!

Поставьте на полку
Крылатую шхуну,
Повесьте на стенку
Косматую шкуру!

Чтоб дикая шкура
По дебрям скучала,
И чтоб на Вертинского
Тихо рычала!

Чтоб вместо бокалов
И сигарет —
Туманы Байкала,
Курильский рассвет!

Чтоб снилось во сне,
Не давало покоя,
Как там вертолеты
Гудят над тайгой!..

ОЖИДАНИЕ

Как я люблю в театре те мгновенья,
Когда партер еще не отшумел.
И занавес, колеблемый волненьем,
Еще крылатой птицей не взлетел.

О, эта яркость праздничных нарядов!
Бинокли. Возгласы. Восторга перехлест!
Турнир смущенных и влюбленных
взглядов
И жадный поиск неоткрытых звезд!

А запах краски! А шуршанье кресел!
А эта робость, скрытая дотоль,—
Как будто в новой, неизвестной пьесе
Мы все играем основную роль.

Нам предстоят победы и страданья.
Благодарю актеров и актрис
Уже за эту сладость ожидания
С душистым ветерком из-за кулис.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна. В подъездах и воротах
Стоят влюбленные, уставя взор во взор.
О близких межпланетных перелетах
Идет у них серьезный разговор...

Все джазовые песенки отпеты,
Все анекдоты кончились подряд.
Ребята про фотонные ракеты
Фасонистым подружкам говорят.

А те глядят: как будто прямо завтра
Сожмут ребята звездные рули,
И над далекой Альфою Центавра
Закружатся земные корабли!

А там пылит космическая вьюга,
Туда веками мчится даже свет.
Как надо быть внимательней друг к
другу,
А то расстанемся на миллионы лет!..

НА РАССВЕТЕ

Я сплю лицом к окну,
И прямо на рассвете
Зеленый блеск листвы
И хрупкий птичий звон
Сквозь тонкое стекло
И сомкнутые веки
В сиянии лучей
Врываются в мой сон.

Какие кружева сплетают сон и солнце!
Колышет ветерок узорчатую тень.
И кто-то вдалеке заливчато смеется,
И ломится в окно кипящая сирень.

И снится город мне,
Где все осуществимо,
Где люди, как детей, друг друга берегут,
Где утром девушки,
Любимые к любимым,
Волнуясь, на свидание бегут!

И сердце у меня
Светло и беззаветно
Уже не безответно влюблено

В радушную весну
И в этот мир рассветный,
В зеленый звонкий шум,
Струящийся в окно.

ВЕРЮ

Жизнь — это, в общем, веселое дело!
С детства я верю в счастливый конец.
Верю, что за пять секунд до расстрела
Весть о спасенье привозит гонец!

Верю, что все, кто быть злыми стараются,
Все, кто кому-то расчетливо мстят,
Просто хороших поступков стесняются
И доброту показать не хотят.

А огорчений большое количество —
Этo сумбурный, предутренний сон.
Стоит вот только включить
электричество —
И моментально рассеется он!..

В ОТЕЛЕ „МОДЕРН“

И. М. Г.

Иркутская полночь
Штыками мерцала.
Папахи. Погоны. Жандармский кант...
В ту ночь из глухой одиночки централа
Бежал политический арестант.

Прохожих хватали на улицах прямо,
Тащили силком из подвальных скверн;
А он под ручку с нарядною дамой
Прошел донжуаном в отель «Модерн».

Та дама (теперь уже это не тайна)
Была курсисткой, которой Цека
Доверил сказочное задание:
Стать «женою» бежавшего большевика!

Они и знакомы-то прежде не были,
Их свел друг с другом партийный пароль.
Но конспирация строго требовала
Правдиво играть непривычную роль.

Они поселились на две недели,
Покуда не стихнет сыскная метель,

В супружеском номере в пышном отеле,
В котором была лишь одна постель.

У нее был жених,
У него — жена, настоящая.
Но пусть бы посмел кто-нибудь
ревновать!
Они оставались просто товарищами,
Которых трудно шпикам разгадать.

Всяческим снобам, с мозгами куцыми,
Во сне не увидеть такой красоты.
То были витязи Революции!
Люди ленинской чистоты!

Их образ встает предо мной из рассказов
Последних подпольщиков-большевиков.
И что тут стихи?! Это надо алмазом
По золоту высечь, на веки веков!

РУКИ ПАРТИИ

Если был бы я скульптор, —
Пусть завидуют внуки! —
Изваял бы из камня
Исполинские руки!

Руки в гордых мозолях,
В каплях нефти и пота,
В напружиненных жилах —
От нелегкой работы.

Это руки солдата
И героя науки,
Это — руки строителя,
Нашей Партии руки!

Все, что Счастьем зовется,
Все, чем век наш украшен, —
Знаю, вызвали к жизни
Руки Партии нашей.

От космических далей
До глубин океанских —

Все обязано славе
Этих рук великанских!

Эти руки в Грядущее
Запустили ракету,
Чтобы к Солнцу и Счастью
Повернуть всю планету!

ХОЗЯЙСКАЯ ПОХОДКА

Мне бы тоже, как дружок мой Лешка,
Кочегарить на плавучем кране,
А потом окрестные гармошки
Заглушать игрою на баяне!

Я тогда глядел бы чуть построже,
Говорил бы веско и со сметкой.
Я тогда ходил бы чуть потверже —
Прочною, хозяйскою походкой.

Я бы позволял себе проказы,
Чтоб, как Лешка, среди толстых ляжек
В сказочном костюме водолаза
Выйти из воды на женском пляже.

Но зато в автобусе, встречая
Трепача на кожаной подушке,
Я б всегда советовал лентяю:
Встать и место уступить старушке!

Я бы в лоб любому бюрократу
Правду-матку резал без пощады.

Что мне жаль? Возьми мою зарплату,
Только пыль в глаза пускать не надо!

Я бы так носил простую кепку,
Словно б понимал, чего я стою,
Словно б точно знал, что Семилетку
Без меня, приятель, не построят!

СОБОЛЯ

Девушки из сборочного цеха,
Забежав в соседний магазин,
Часто примеряют — ради смеха! —
Пышный соболиный палантин...

Продавец на них посмотрит строго:
— Выписать? —

Но тут как брызнет смех:
— Нам бы хоть рукой его потрогать,
Знаменитый соболиный мех!

Соболей забыли, как былины.
Редко кто наденет соболей:
Драгоценный бархат соболиный —
Это же одежда королей!

А посмотришь: как он блещет тонко,
Рассыпая снежную пыльцу!
Загорелым заводским девчонкам
Соболя особенно к лицу.

Взять бы нам —

направо и налево
Раздарить сокровища мехов,
Чтоб ходили, точно королевы,
Девушки из заводских цехов!

ПЕРВОМУ КОСМОНАВТУ

Мы напряженно всматривались в завтра,
Стараясь угадать: кем будет он,
Тот, кто почетным званием
космонавта
Впервые в мире будет награжден?!

И вот сегодня космонавт Гагарин
Летит в Историю, в сквозную даль ее.
Как я тебе, товарищ, благодарен
За выдержку, за мужество твое!

Когда корабль твой на орбиту вышел,
Кружа над дымкою долин, морей и рек,
С тобою вместе солнечней и выше
Стал каждый наш советский человек!

Нас подвиг твой к большим высотам
 поднял.
Мир стал видней, чем через сотни призм.
Я очень зримо ощутил сегодня,
Каким на деле будет Коммунизм!

СТУДЕНТЫ ТОЧНЫХ НАУК

Помню, были и мы студентами
И сгорали в потоке лет —
Отпадающими ступенями
Продвигающихся ракет...

Но по-прежнему в общежитиях
(Модным мальчикам не в пример!)
На конспектах спят небожители,
Открыватели новых эр.

А поскольку заметно близится
Время звездных больших дорог,
Для студентов сегодня физика —
Как Юпитер — верховный бог!

Им по нраву: искать проекции,
Уходить в расчет и в чертеж.
Но у них не в почете лекции,
Где с неточностью дружит ложь!

Завелись такие «приемчики»:
Смотришь, книжки у всех в руках,
А в карманах поют приемнички —
Сплошь на полупроводниках!

Эти люди с глазами чистыми
Только правдой живут одной,
Потому что точная истина
Им дороже жизни самой.

Всё — конспекты, формулы,
практика...

Но... когда вечера тихи,
Рядом с высшею математикой
В общежитьях звучат стихи.

Потому что бывает весело,
Если звонко стихи прочесть,
Потому что нужна Поэзия,
Потому что в ней
точность

есть!

БЕСКОРЫСТЬЕ

Нет, не тем соловьям-солистам,
О которых молва гремит,—
Самодеятельным артистам
Муза милость свою дарит!

Лишь на клубных простых подмостках
Инженеры или врачи
С непосредственностью подростков
Носят гамлетовские плащи.

По субботам в конце работы
Там у них — репетиций шум,
Им скучать не дают заботы:
Где добыть парик иль костюм...

И не нужно им громких лавров:
Каждый делом богат своим!
И поэтому как подарок
Сладость славы дается им.

В РОДДОМЕ

В роддомовских светлых палатах
Стерильная чистота,
И нянечки в белых халатах
На цыпочках входят сюда...

Конфеты, цветы, апельсины
Приносят сюда день и ночь,
С запиской: «Спасибо за сына!»,
«Милльон поцелуев за дочь!»

Но где-нибудь тут же, в сторонке,
Та мать молодая лежит,
Которую за ребенка
Никто не благодарит.

Кто знает, какая причина,
Что после счастливых родов
Никто ей не шлет апельсинов,
Никто не приносит цветов?!

Я глаз ее нежных и мрачных
Представить себе не могу.

Послушай! Не плачь ты, не плачь
ты!
Мы все пред тобою в долгу!

От имени целой России,
Готовой согреть и помочь,—
Большое спасибо за сына!
Милльон поцелуев за дочь!

КОНЬ

Не могу смотреть, как на арене,
Пыль бичом стреляющим гоня,
Дрессировщик ставит на колени
Нервного и нежного коня...

Как он, бедный, пятится и скачет,
Подавляя собственный позор,
Как он от толпы стыдливо прячет
Свой блестящий оскорбленный взор!

...Лишь однажды в цирке —
Впрямь как в песне —
Конь порвал тугие удила,
И при всех фасонистый наездник
Выскочил как пуля из седла.

Ахнул цирк. А конь стрелою — в двери.
Сквозь контроль —
В шумиху площадей,
Где текла, глазам своим не веря,
Жизнь, отвыкшая от лошадей.

Золотой попоною покрытый
Рассыпая ржанья звонкий альт,

Конь летел,
И жадные копыта
Целовали городской асфальт.

Мимо красноглазых светофоров,
Карим взором не косясь на них,
Мимо перепутанных шоферов,
Мимо обомлевших постовых

Конь летел, неся свободы трепет,
С гордою, как вымпел, головой.
И сквозь камни проступали степи,
Пахнувшие скифскою травой...

ПРОСТАЯ ЛЮБОВЬ

Нам простой любви не хватает,
Мало ценим мы все простое.
Надо больше любить трамваи,
Те, в которых трясемся стоя.

Надо больше ценить бульвары,
Где ограды — как дым — сквозные,
Надо больше любить базары,
Где товары все расписные.

Надо легче прощать обиды,
Крепче радоваться в получку.
Надо с самым весенним видом
Свое счастье водить под ручку.

И не надо искать покоя!
В жажде боя — большая честь!
Но любите жизнь и такую,
Вот такую,
какая есть!

БАЛКОНЫ

Как нам ласкают взоры
Под лунным серебром
Балконные узоры,
Обвитые плющом.

В такие ночи надо,
Чтоб под балконом вновь
Слагала серенады
Счастливая любовь.

Чтоб снова, как когда-то,
Для тех, кто в них влюблен,
Стыдливые девчата
Спешили на балкон.

Пусть тихий отсвет лунный
На лицах их горит,
Пусть чей-то голос юный
О страсти говорит.

И пусть рисунок четкий
Выводят на домах
Балконные решетки
В чугунных кружевах...

ВЕРНУВШИМСЯ

Как хорошо, что вновь средь нас живут
Почти не верившие в воскресенье,
Те, кто вернулся из «сибирских руд»,
Из мерзлых шахт Печорского бассейна!

Я думаю, что многие и там,
Как в годы революции, с наганом,
Держались молодцами (я те дам!)
И лихо били морды уркаганам.

Буденновцы из глубины земли,
Блатную мразь смилившие балтийцы,
Они опять с собою принесли
Задор, которым славятся партийцы.

Живут, как прежде, в гуще новостей,
Шумят, бушуют, как и раньше жили,
Послав навеки к черту сыновей,
Что от отцов отречься поспешили.

Из чистого железа этот люд.
Им ни к чему музейные надгробья.
Смеются, пьют, «Дубинушку» поют.
На белый свет глядят не исподлобья.

ШКОЛА В ПЕРЕУЛКЕ

Здесь такое звонкое веселье!
Шустрая весенняя Москва!
У прохожих, как на карусели,
Кружится от шума голова.

То ли это солнечные пятна,
То ли одуванчики в траве,
То ли голуби над голубятней
Раскричались в чистой синеве?

Разве это — школа в переулке?
Это просто вешнюю порой
Над цветущей веткой
Вьется гулкий
Раззолоченный пчелиный рой...

В ДОМЕ ДОЧЕРИ

Мне жаль соседку-старушку,
Которая (вот где горе!)
На дочкиной раскладушке
Ночами спит в коридоре.

А днем в коридоре тесно.
Найти себе место где?
С рассвета (что?! интересно?!)
Сидит она в нарсуде...

За день всего наглядится...
И долго потом в глазах,
Как в сеть попавшая птица,
Колотит крылами страх.

И просто, как наважденье,
Мерещится ей всю ночь
Какое-то преступленье,
В котором повинна дочь...

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Взгляд художников сер и скучен:
На полотнах так мало чувства...
Вот зато мастера игрушек
Понимают секрет искусства!

Чтоб стихи написать получше,
По музеям я не хожу,
Я хожу в магазин игрушек
На зверюшек цветных гляжу...

На зайчатах — перчатки теплые.
Из зеленого плюша львы.
Даже кобры такие добрые!
Все биологи не правы!

Ах, как весело жить на свете,
Если б рядом вот так бродили
Фиолетовые медведи,
Ярко-красные крокодилы

В полосатых пижамах зебры —
Очень милые и забавные!
Все здесь видится в добром зеркале,
А ведь это в искусстве — главное!

ИНВАЛИД

Вино, кому оно полезно?
И кто его от счастья пьет?
А инвалиду на протезах
Вино опасно в гололед.

Он весь — как бы войне протест!
Он — горькая ее обида!
А тут еще скользит протез,
И ветер валит инвалида.

С какой тоской его сынишка
Пытается поднять отца!
Ну разве он веселым книжкам
Теперь поверит до конца?!

А я, когда такое вижу,
Хочу, чтоб жизнь его была,
Как на картинках детских
Проста, забавна и светла! книжек —

ВЕСЕННЕЕ НАПУТСТВИЕ

Я всегда внимателен к девчонкам,
Потому что помню до сих пор,
Как со мной росла моя сестренка.
Жаль мне, что у многих нет сестер.

Скоро снова ландышей цветенье,
Будут ночи лунные без сна...
Надо бы повесить объявления:
«Осторожней, девушки:
Весна!»

Очень вы беспечные, девчонки!
Все б вам любоваться на луну!
А весною — паводки, воронки,
Закружат, затянут в глубину...

Будут домогаться вашей страсти
Те, кому от вас — таких дурех! —
Мало одного на свете счастья,
Мало двух,
И трех!
И четырех!

А` у них — магические взоры,
Хитро помогают им в любви
Голубых ночей гипнотизеры,
Подлые пройдохи — соловьи.

А кругом — сиреневые ветки...
От росы — студёный аромат...
Говорю вам, если вы — студентки,
Лучше изучайте сопромат!

Нынче живут в одиночку, как «дачники».
Смотрят — как будто с вершины веков!

Что им бессонные чьи-то повести,
Чьи-то стихи — пусть и впрямь
хороши, —
Вот они, в ржавых забралах суровости,
Держат журнальные рубежи!

И потому мальчуганы московские
Ходят охотней лишь к вам троим —
К Пушкину, к Горькому,
к Маяковскому!
Ох, как сегодня нужны вы им!

ПОСЛЕ СВАДЬБЫ

Неказистая церковь
У Никитских ворот
Окруженная тучей
Крикливых ворон,
С запыленною кровлей,
Со щербатым порогом,
Эта церковь, по-моему,
Помнит о многом...

Из дверей ее шумных
Однажды весною
Вышел праздничный Пушкин
С молодою женою.
Позабыв об обидах,
Об отказе недавнем,
О навязанных хлопотах
Над дешевым приданым,
Позабыв о врагах,
Шел счастливый, обвенчанный
С самой стройной в России,
С самой царственной женщиной.

Еще пули и сплетни
Его не задели,

Еще целых триста недель
До дуэли!
Еще тает снежок
На его волосах,
И московское небо
Синеет в глазах,
И сквозной ветерок,
Развеселый и шалый,
Треплет кудри,
Мудреные, как мадригалы...

ВЕЧЕРНИЙ ДОЖДЬ

Наверно, чтоб по гондольерам
Ничья душа не тосковала,
Текут по улицам и скверам
Венецианские каналы.

У всех прохожих под ногами
Поблескивают зеркала,
И в серебристой амальгаме
Горят витрины из стекла.

В прозрачных каплях, как в капроне,
Бегут девчонки из кино,
И что-то нежное такое
В их влажных взорах зажжено.

Домов промокшие фасады
Стоят, как лайнеры, вблизи.
И пахнет мокрым виноградом
Зеленый огонек такси.

Поэзия! Ты так похожа
На этот вечер в сентябре,
На этот драгоценный дождик,
На эти липы в серебре...

НА КОНЦЕРТЕ ИМЫ СУМАК

Сцену скрыл зеленоватый сумрак.
Жадно напрягаются глаза.
Дочь далеких инков
Има Сумак
Входит в джунгли.
Близится гроза.

Блики дня в густой листве пожухли.
Не роса, а яд течет с ветвей.
Все утрюмей гулкий голос джунглей —
Вой гепардов и шуршанье змей...

Я вам верю,
Я вам верю, Има:
Вы сейчас — в тропической ночи!
Потому что даже ваше имя
Песней перуанскою звучит!

Песня рвется к солнцу,
Рвется в горы.
Выше. Выше. Там, где вечный лед.
Но внезапно вниз уходит голос,
Как пикирующий самолет.

Спутались в лианах мрак со светом,
Голь, и голод, и цветенье трав...
Может быть, чтоб выразить все это
Мало даже четырех октав!..

ИМЯ ПОЭТА

Не вином, лошадьми или теннисом
Вдохновлялся поэт Альфред Теннисон.

Если в сердце строка не бьется,
Не мечтается, не поется —

Он твердит, точно пунш пьет пенистый:
«Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон,
Альфред Теннисон...»

И ведет его это звучание,
Как набат, как на царство венчание!

Как он много за звук этот выменял!
Вся вселенная — в собственном имени:

И моря... И волынок мотивы...
И страдания леди Годивы¹...

¹ Героиня поэмы английского поэта А. Теннисона.

ЛЕЛЬ

Кроткий вид. Затейливый и добрый.
А в руке пастушечья свирель.
До чего мне близок этот образ!
«Лель мой, Лель, лёли-лёли Лель...»

Он такой: звезд с неба не хватает,
Можно краше встретить молодца.
Но когда поет, — как льдинки, тают
Самые студеные сердца.

Вьется лен над головой кудрявой.
Все ему легко. Все не беда.
Он поет совсем не ради славы,
Ради поцелуев — это да!

Он поет, и светит месяц тонкий.
Хмель в крови. Такая благодать!
Он бы спел и лучше, да девчонки
Могут до смерти зацеловать.

ФОТО

Девушка, став любимой,
Все разрешить смогла:
Даже бесстыдный снимок
Сделать с себя дала.

А парень свою «работу»
Решил показать друзьям —
И вот озорное фото .
Тайком пошло по рукам...

Бросьте свой смех, пижоны!
Это ж — злая беда!
Теперь она обнаженной
Останется навсегда.

Чудо святой Инессы
Честь ее не спасет:
Ангел, посол небесный,
Платя не принесет!

Что ж ей придумать, чтобы,
Рожденный ее виной,
Громкий брезгливый шепот
Смолк за ее спиной!

„ЦВЕТОЧКИ“

Мне повторять неохота:
Пижоны с брючками куцыми,—
Они зовут «донкихотами»
Рыцарей Революции!

И все их подружки тоже
Ни речью и ни прической
С Надеждой Крупской не схожи.
Не схожи с Софьей Перовской!

Они говорят с прононсом,
Корчатся в такт мотиву,
Они считают несносным
Стиль партийных призывов.

Эти сынки и дочки,
Они блистают так мило,
Нарядные, как «цветочки»,
На чьих-то братских могилах!

МЕЧТА

Мне бы отыскать себе девчонку,
Чтоб была бы гибкой, как лоза,
А к другим не гнулась!
И в сторонку
Не косила хитрые глаза!

Мне бы надо милую такую,
Чтоб, не запирая на засов,
Мог ее оставить, не ревнуя,
Среди самых ловких удальцов.

Чтобы — кто за ней ни увивался,
Кто б пробиться к сердцу ни хотел, —
Я б ходил, спокойно улыбался
И своих соперников жалел;

И в гостях, в театре или в клубе,
Стоя,
Отвернувшись,
В стороне,
Чувствовал, что любит, очень любит,
Очень нежно тянется ко мне!

КРАСИВАЯ ДЕВУШКА

Не из коварства,
Не по доброй воле,
Благодаря улыбке и бровям,
Она еще девчонкой, в средней школе,
Легко кружила головы парням.

И разве она чем-то виновата,
Что блеском глаз, где что-то вспыхнет
Разбила счастье вдребезги когда-то
У всех своих любимейших подруг?!

Ей все завидуют, такой красивой,
Не понимая истины простой:
Как трудно быть спокойной и счастливой
С ее неотразимой красотой!

Ведь красота порой мешает дружбе,
Ломает жизнь, вселяет боль в сердца.
Она — как огнестрельное оружие
В руках неосторожного бойца...

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

Когда, наконец, с настоящей любовью
Сведет вас судьба
И отхлынет туман,—
Какой обернется ревнивою болью
Всех прежних «романов» цветистый
обман!

За боль недоверья,
За тень подозренья
На светлом снегу ваших солнечных снов
Вы взглянете с ненавистью и презреньем
На все увлеченья прошедших годов.

Забить бы все эти «романы», романсы,
Бесстыдные сцены из модных кино,
Туманные фразы, дурманные танцы,
Зеркальные залы, где пили вино.

Пусть было бы все — без пережитой
«скверны»,
Чтоб сам ты в изменах не наторел,
Чтоб где-то ждала тебя свято и верно
Невеста —
Почти как в монастыре.

Чтоб все было чистым, как ясная зорька,
И с танцем, и с легким румянцем стыда,
С крахмальной скатертью,
С криками: «Горько!»,
С одною мечтой:
— Навсегда?
— Навсегда!

К Л Ю Ч

Ценнее всех ценностей мира,
Прекрасней, чем солнечный луч,
Был нам от безлюдной квартиры
Доверен хозяйкою ключ.

Нам некого стало бояться:
Приют был надежный вполне.
Но страшно вдруг стало остаться
Впервые наедине...

Казалось: сердца не вместили
Неистойой радости той,
Невольно глаза загрустили,
Как будто перед бедой.

И тихо вдруг стало в квартире,
Где даже часы не стучат,
Где только одни в целом мире
Два сердца колотят в набат,

Где губы бормочут: «Не надо»,
А руки уже говорят,
Что этой ненужной пощады
Они ни за что не простят.

РЫЦАРИ ИЗ РОМАНОВ

Рыцари из романов
С гонором боевым
Нежно и неустанно
Служили дамам своим.

Рыцари из романов
Умели все понимать:
Дамы непостоянны,
Что же их упрекать?

Бились с ордою вражьей,
Гибли в боях лихих
С именем той,
 что даже
Не вспоминала их!..

КРАСИВЫЕ СЛОВА

Мне бы повстречаться с Недотрогою,
Чтоб в глазах — дремучие пруды,
С паводком весенним, с поволокою,
С поводом для боли и беды...

Я бы звал такую Королевою
(Что в стихах давно запрещено).
Я бы звал такую Каравеллою
(Ей бы это не было смешно).

Это моя слабость, моя слава —
Говорить красивые слова!
Чтоб от них, от кружевных, от сладких,
Чуть-чуть кружилась голова.

Верю — милая грустить не будет:
Столько я имен ей нежных дам!
В жизни по делам о людях судят.
О поэтах судят — по словам.

АПРЕЛЬ

Барабанит капель. Осыпается
Надоевших снегов бахрома.
И, как русые зимние зайцы,
Безнадёжно линяют дома...

На земле — набухание почек,
Запах первых апрельских цветов
И почти композиторский почерк
Опрометчивых звонких ручьев...

Хорошо, что тускнеют сугробы.
Хорошо, что окошки блестят.
Хорошо, что на землю не бомбы,
А большие сосульки летят!..

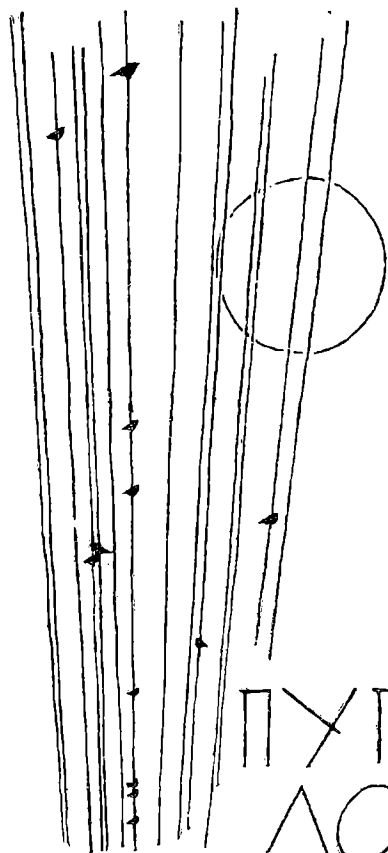
ЛЮДИ СТАНОВЯТСЯ ЗВЕЗДАМИ!

Снова в рассветной роздыми
Москва позывными звенит:
Люди становятся звездами,
Взлетающими в зенит!

Вчера на орбите Гагарин,
Сегодня летит Титов,
И каждый советский парень
Их путь повторить готов.

Слава людям, чьи руки
Держат рули ракет!
Слава людям науки —
Всем мастерам побед!

И трижды —
 Партии слава,
Которая, как кузнец,
Ковала из лучших сплавов
Упругий металл сердец!

ПУТИ -
ДОРОГИ

ВЕСНОЙ

Я люблю тормошить знакомых,
В час, когда закат языкат,
Разбудить, утащить из дома,
Увести глазеть на закат!

Я люблю закурить с прохожим
И стоять, твердить об одном:
— Ну и солнце! Ничуть не схоже
Ни с одним цветным полотном!

Сослуживцы в учреждение
Все считают, что я «чудной»,
Что без всякого предупрежденья
Я исчезнуть могу весной!..

Что же делать, ежели в марте
Мне дорожные снятся сны
И уже я ищу на карте
Путь-дорогу в страну весны?!

Вот оставляю ключи соседу,
Брошу рукопись — не беда! —
Расцелую всех и уеду,
Еще сам не знаю — куда...

В ПОЕЗДЕ

В вагоне молодые пассажиры
Знакомятся легко, как старожилы.

Болтая о погоде и о чае,
Они о чувствах говорят очами.

Вот раздает постели проводница,
Они ложатся спать. Но им не спится.

Его гудки томительные будят...
Она под простынь робко прячет груди...

И оба, хоть давно уже темно,
Все смотрят, смотрят в черное окно.

А поезд мчит, отсчитывая шпалы,
Чуть-чуть дрожат стаканы на столе,
И у окна большой букет фиалок
Отчетливо зеркалится в стекле.

А там, за нежным этим отраженьем
Проносится ночная темнота,
Огни вокзалов, зоны отчужденья,
Поселки, перелески, омута...

НА ДАЛЬНОЙ СТАНЦИИ

Чуть скорый поезд на минуту,
Пыхтя, затормозит в пути,
Бывает, тянет почему-то
На тихой станции сойти.

Там тополями пахнет ветер,
И пыль лежит на чебреце,
И кружева бесед соседи
Под вечер вяжут на крыльце.

Там деревенское веселье,
Басистый смех и тонкий визг
Неторопливые качели
Раскидывают вверх и вниз.

И ходят девки в полушалках,
И ловко семечки лущат,
И запахом ночной фиалки
Ребятам головы кружат.

РУССКОЕ СЛОВО

Сколько надо бензина сжечь
Полям, чащею,
Чтоб послушать родную речь
Настоящую!

Ах, на русском поговорить
Языке своем —
Как в сапожках походить
С золотым шитьем.

Те слова во рту
Не ссыхаются,
Ровно пряники на меду
Рассыпаются!..

Пусть бы лучшую из девчат
Все ровесницы
Стали снова бы величать
Красной девицей!

Пусть бы славились по Руси
Кудри в золоте,

Пусть бы звали: «Ты, гой еси,
Добрый молодец!»

А то многие говорят
Нынче с жалостью:
Слово русское в словарях
Затерялося.

ПАРОВОЗНЫЙ ГУДОК

Дед мой ездил весь век машинистом:
Знать, по вольным просторам скучал.
Где бы ни был, по первому свисту
Он любой паровоз различал.

Той же самой дорогою гулкой
Шел отец мой до старческих дней.
Называл ее грубо — «чугункой»,
А и крепко тянуло же к ней!

Видно, жребий такой нам положен,
Чтоб в пути полустанки листать:
Я и сам стал «чугунщиком» тоже.
В кровь попало! Попробуй не стать!

Это мы под завесой зениток
Эшелоны водили в огне,
Путь к победе железною ниткой
Вышивая на полотне.

Это нас провожали подруги,
Нам махал материнский платок.

Ожиданья, свиданья, разлуки —
Все слилось в паровозный гудок.

Может быть, для других это проза,
Я б хотел, чтоб в стихи мои врос
Задушевный гудок паровоза
И железная песня колес.

СПЕЦКОРРЕСПОНДЕНТ

В редакцию газеты,
Где светят огоньки,
Конверты и пакеты
Летят, как мотыльки.

Со всей страны огромной
На тоненьких листках
Летят слова о дѣмнах,
О дамбах, о домах...

И вдруг —
Письмо тревожное
Про дальний леспромхоз...
Письмо чуть-чуть похожее
На зов подмоги: «SOS!»

Иль все там обессилели?
Иль как еще понять:
«Прошу мою фамилию
В печать не помещать!»

Вот мне дают задание
Слетать туда в момент —

И я вступаю в звание:
«Спецкорреспондент»!

Мне в жизни большей радости
Не доводилось знать,
Чем драться с разной праздностью,
С неправдой воевать!

Я знаю: не для сытости,
Не ради личных благ,
А ради справедливости
Взвился Октябрьский флаг!

И нет мне счастья лучшего,
Чтоб все кругом цвело,
Чтоб мы не знали случая,
Где б победило зло!

...А там, в таежной «вотчине»,
Районный самодур
Вознесся над рабочими,
Как новый Помпадур!

Сомнительными сводками
Нажив авторитет,
Покорными красотками
Украсив кабинет,

Он полагал начальственно,
Не знаю почему,

Что правде не домчаться, мол,
Не доскакать к нему...

И долго, как легенду, там
Твердил усталый люд:
«Сюда корреспондента бы!»—
И вот я тут как тут!

Но мне нельзя с азартом
Метать вокруг грома:
Нельзя мне выдать автора
Секретного письма.

В плаще, дождем измоченном,
Как гость,
Зайдя в барак,
Я говорю с рабочими:
Что — так
И что — не так...

А хмурый взор начальства,
Мой вид не оцеля,
С презрительным нахальством
Косится на меня.

Как мне близки обиды
Большой родни моей —
Незнаменитых с виду
Застенчивых людей!

Я знал: что те деяги
Изменятся в момент,
Прочтя в моей бумаге:
«Спецкорреспондент».

И станут льстить, увидя:
— Ах, значит, это вы?
— Простите... Извините...
Давно ли из Москвы?

— Надолго ль к нам, голуба?
— Для нас такая честь! —
(Кому известна грубость,
Тот тонко знает лезть).

Но не спешил бумажки
Я извлекать на свет.
Я вспоминал: а как же
Тем, у кого их нет?

И долго с кротким видом,
Скрывая роль свою,
Гаруном аль Рашидом
Бродил я в том краю.

Не зная по портретам
Черт моего лица,
Мне в разных кабинетах
Дерзили без конца.

Я наблюдал кичливость,
Обиды ворошил,
Я всю несправедливость
В душе моей скопил.

И все запомнил лица:
Кто — негодяй, кто — плут,
Чтоб на своих страницах
Вершить над ними суд,

Чтоб самодур тот самый,
Который мне грубил,
Рвал волосы с досады:
«Так вот кто это был!»

Чтоб впредь под скромным видом
Всегда любой нахал
Такого аль Рашида
В душе подозревал!

НА РОДНЫХ ДОРОГАХ

Бродя по родным дорогам,
Все чаще я, брат, томим
Есенинскою тревогой:
Не стал ли я здесь чужим?

У многих привет на лицах,
А думают, верно, так:
Уехал!.. Живешь в столице!
Какой же ты нам земляк?

Мол, ты там в столичных залах
Вертишься на балу,
А мы в Москве на вокзалах
Порою спим на полу...

Ты рвался к своей удаче,
Ее ты достиг сейчас,
Но это от глаз не спрячешь:
Она разделила нас.

Нет, радовать душу может
Только такой успех,

Который из многих сложен
И разделен на всех.

А так на родных дорогах
Ты долго будешь томим
Есенинскою тревогой:
Не стал ли ты здесь чужим?..

АНФИСА

Я Анфису и не видел. Просто
Пред гуляньем, платьями шурша,
Слишком часто повторяли сестры:
— До чего Анфиса хороша!

Ах, Анфиса! Ах, какое имя!
И коса, наверное, до пят (?)
А глаза — как море в синем дыме,
Поглядишь — тоскою истомят...

Видно, шло незримое свечение
От нее, живущей вдалеке!..
Оттого росли в своем значенье
Все предметы в нашем городке.

Неспроста казалось мне когда-то:
Пусть я всю планету обойду,
Краше нашей речки и горсада
Ничего на свете не найду.

АФАНАСЬИЧ

Как мальчишка, плача и не прячась,
Ковыляет пыльной мостовой
Пьяный старикашка Афанасьич
С белой, точно мрамор, головой...

Говорят, он был «веселый малый».
Только с ним беда произошла:
Та, кого любил, с другим сбежала,
Сонного сынишку унесла...

С той поры немало видел видов
Шумный придорожный городок.
А старик глушил вином обиду,
Пил и плакал. Но забыть не смог.

До чего ж, видать, в тоске упрямый!
Нынче уж такого не найдешь!
Ходит меж людьми, как древний мамонт,
Видом удивляет молодежь:

Уж иные тут нашли забаву:
Заманят в пивную старика
И давай учить: — Смешной ты, право!
Что жена?! Беда невелика!

Ты бы поступил, как наш Серега:
Развелся с женой — махнул рукой —
Что, мол, убиваться? Девоч много! —
В тот же год женился на другой!

Но старик не слушает советов,
Только молча водку пьет, чудака.
Видно, вовсе не по нем все это.
Видно, сам он думает не так...

„КОВРЫ“

Что за «ковры» продают на базаре —
Не в Бухаре, а в Ельце и в Орле!
Что за узоры на этом товаре:
Лебеди, замки, цветы на скале!

По трафарету
Сапожною щеткой
Там намалеваны на полотне
Знойный красавец с лукавой красоткой.
В море плывущие при луне.

Я б не писал про базарные вещи,
Если б не чей-то восторженный взгляд:
Толпы в платочки укутанных женщин
Жадно на это «искусство» глядят!

Нет, я вас, милые, не осуждаю,
Просто я жду той хорошей поры,
Чтобы дома ваши не украшали
Эти сомнительные «ковры».

В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

В приморском городе
Над шумной пристанью
Витают призраки чужой земли.
И ходят девушки и смотрят пристально
На прибывающие корабли.

Вот белоснежным гигантским лебедем
Корабль всплывает, ночь озарив,
И флаг над мачтою змеится с трепетом,
И — точно лаковый — блестит залив.

Звучит над пристанью речь иностранная,
И, путешествующая без виз,
Визгливость джазовая, ресторанная
Из всех окошек ныряет вниз.

Туристы с дамами, отнюдь не старыми,
Уже объехавшие весь свет,
Интересуются ночными барами
И ах как сердятся, что их здесь нет!

Матросы «девочек» бегут отыскивать,
Бормочут песенки под модный джаз.

Но эти песенки — как у Вертинского —
Их не подхватывают у нас.

И вновь над пристанью
Гудок разносится,
И смотрят девушки, как тает дым,
И город собственный для них становится
Таким приветливым и золотым!

ШУТ

Обычно при любом
Владельческом князьке
Жил мудрый шут, с горбом,
В дурацком колпаке...

На долю горбуна,
Умевшего острить,
Была там власть дана:
Всю правду говорить!

Кривляясь и смеясь,
Он вслух мог произнести,
Чего не смел и князь:
Назвать — где грязь,
Где лезть.

Но истиной в речах
Он вызывал лишь смех.
А прочие, ловча,
Все так же лезли вверх.

И помнил каждый плут,
Что надо век хитрить,

Что может только шут
Всю правду говорить!

...Тут для меня суть в том:
Бывает до сих пор,
Считают шутовством
Правдивый разговор.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Я радуюсь любой замеченной заботе.
Вот мы уходим вдаль от твердых
берегов —
И неспроста на нашем теплоходе
Повисли бублики спасательных кругов!

Здесь даже лишний стул
Нельзя поставить в рубке.
Но теплоход всегда таскает на спине
Надежные круги, и пояса, и шляпки,
Чтоб каждый пассажир
Спокоен был вполне!

В предельно штилевом,
Как сон, спокойном море
Спасательный ваш круг плывет на
корабле...

Ах, если бы он мог
Помочь в беде и в горе
Не только в море, но и на земле!

Как видно, на земле мы более суровы...
Когда придет беда, товарищ или друг
Поддержкою своей
Иль просто добрым словом
Пускай, пускай подаст
Спасательный вам круг!

Я В ГОРУ ШЕЛ

Я подружился с легкостью удачи,
И, напевая песенки, шутя,
Я в гору шел, играя и дурачась,
Ореховую тросточку крутя...

Я в гору шел. По скатам и оврагам
Швыряло эхо мой беспечный смех.
Я чувствовал, что с каждым новым шагом
Я поднимаюсь выше всех.

Я в гору шел. Но взоры редких встречных
Казались мне все строже, все грустней.
Я в гору шел, туда, где холод вечный,
Где одиночество, где нет друзей.

Там только блеск. Там горестно и голо.
Там ни цветов, ни песен, ни огня.
Чем я заметней поднимался в гору,
Тем меньше счастья было у меня.

ЛЕРМОНТОВ

Душной ночью перед дуэлью
Долго Лермонтову не спалось,
Все следил он, как звезды тлели,
Как, срываясь, летели вкось...

Надоел ему шум курортный:
Шепот сплетен и пересуд.
Нет, поэту нельзя быть гордым:
Вмиг завистники загрызут!

Ни любви у них, ни доверья.
Да и в сущности, может быть,
На земле лишь одни деревья
Могут рядом, не ссорясь, жить.

А в сиятельной этой своре,
Средь насильников и калек,
Лишь один и был человек —
Им же выдуманный Печорин.

Вот иду я по той тропинке,
Где когда-то бродил поэт,

НА КАТЕРЕ

На вид все — больше чем банально:
И пальмы, и тенистый грот,
И уходящий в рейс недалний
Простой курортный пароход.

Но вот, все музыкой заполнив,
Под тихий патефонный лад
Ленивые морские волны
Как запоют, как зазвелят!

И этот крошка пароходик
Уже как будто ни при чем —
Все море музыкой исходит,
Весь воздух в звуки обращен.

Ни слов, ни споров, ни людей!
Лишь горы, в рощах темных лавров,
Теснясь, спускаются к воде
Походкой древних динозавров.

И солнце стелет алый след,
И отблески зари на пене
Окрашены в лиловый цвет,
Совсем как веточки сирени...

В ГОСТЯХ У ДРУГА

Гостем в доме хорошего друга я был,
Все там: щедрость, и мудрость, и ласку
нашел.
Будто вовсе не двери, а книгу открыл
И не в дом, а в заветную сказку вошел.

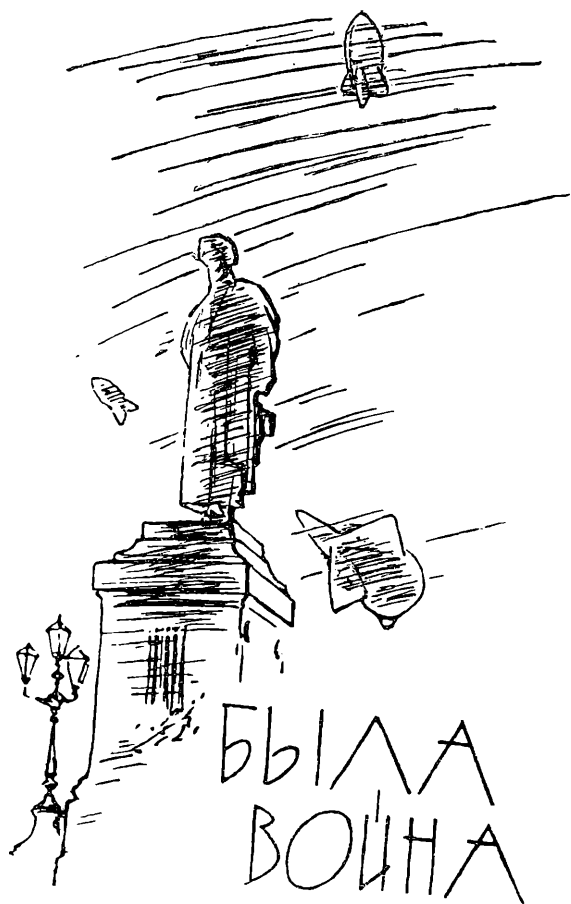
Разливалось рекою вино на столе,
Золотыми огнями лучились плоды;
Было все там, что есть на туркменской
земле,
Чем богаты базары, бахчи и сады.

И друзья состязались — не так, как
бойцы:
Чья проворнее с плеч упадет голова? —
Состязались, как встарь на турнирах
певцы:
Помудрей и послаще найдет кто слова?

Гость спросил: для чего шли с мечом
короли, —
Чтоб добраться до моря? Иноверцев
сместить? —

Не с оружием, а с дружбой мы лучше
смогли
К вам — не то что до моря! — до сердца
дойти!

И подумали все мы о времени том,
Когда споры и войны отбушуют, грозя,
И на шаре земном,
Как за круглым столом,
Без обид и без ссор запируют друзья.

БЫЛА
ВОЙНА

ПОДВИГ

Была война...
И нашей тетке Марье,
Живущей в тихом Липецком селе,
Из госпиталя под Саратовом
От раненного в грудь супруга
Пришло болезненное письмо...

В ту пору немец пер напропалую.
Пал Белгород. Огнем пылал Воронеж.
Готовился к атакам Армавир...

Тут тетка Марья,
Рассудив толково,
Троих детей взвалила на телегу,
Впрягла в оглобли рыжую корову
И потихоньку двинулась в Саратов,
Туда, где муж,
Отец ее детей,
Кормилец,
Скупой солдатской кровью истекал.

Горела сталь. И лопалась резина.
Машины застывали без бензина.
Корова шла. Везла троих ребят.

Народ глядел. Народ не зря дивился:
В дороге и кормился,
И доился
Замысловатый этот агрегат.

Неспешно продвигалась тетка Марья,
Спала в тени телеги третий месяц,
Варила суп, детей купала в речках,
Выменивала хлеб на молоко.

А сзади шли кровавые сраженья,
Там наши части сдерживали немца:
Ведь тетке Марье ехать далеко!

И все ж она
Торжественным парадом
На той корове въехала в Саратов,
Перепугав сердитых постовых.
Нашла тот самый госпиталь секретный,
Где в белой,
Смертью пахнувшей палате
От слабости и от потери крови
Ее супруг, как свечка, догорал...

Здесь опыт медицины был бессилен.
Но тетка Марья мужа отпоила
Густым, парным, домашним молоком.
Когда же вышел он, почти здоровый,
То на базаре продали корову,
В обратный поезд сели впятером...

САНЛЕТУЧКА

От Полоцка и от Полтавы,
От полустанка к полустанку
Неторопливые составы
Вытягиваются спозаранку...

А вслед им — руки... слезы... ветер...
Платки... дрожащие морщины...
И женам слабые, как дети,
Свои мерещатся мужчины...

Им жаль солдат. Но как-то странно
Звучит придуманное зло:
Навылет — пулевая рана,
А говорят, что «повезло»!

Давно ли проводили в роту?!
Но трудно девичьим рукам
Вернуть забытую заботу
Воюющим холостякам.

И, никому «не строя глазки»,
Забыв, как делается это,
Сестра выдумывает сказки,
Не высыпаясь до рассвета.

Как трудно загасить тревогу,
Как быстро истекает время —
У тех, кого спасти не смогут,
Но тащат заодно со всеми.

И все ж в последнюю минуту
Ей вдруг поверит на момент
Из Пермского пединститута
Мобилизованный студент!..

Осыпанные хлопья ваты
Сочатся темными следами,
И бредят сонные солдаты
Всю ночь вишневыми садами.

А за составом долго-долго
По ребрам шпал, по перегонам,
Гудит железная дорога
Далеким колокольным звоном.

ГОСПИТАЛЬНАЯ НОЧЬ

Я проснулся от холода:
В палате умер больной,
Еще накануне вечером
Он говорил со мной.

Он долго в бреду метался,
Кого-то бранил упрямо,
Сорокалетний мужчина,
Он вновь звал на помощь маму.

Напрасно над ним склонялись
Люди в белых халатах,
Напрасно они старались
Чуть-чуть отдалить утрату.

Смерть, словно вор-домушник,
Тайком отомкнула двери,
Она проскользнула тихо
Мимо моей постели.

В полночь, когда все спали,
В час тишины зловещей,
Она ходила по комнате,
Перебирая вещи.

Я тоже был весь исколотый.
Я тоже лежал без крови.
Как ангел-хранитель,
Молодость
Стояла у изголовья...

1945

СТАРШИНА

Ребята не любили дисциплину
И злую поговорку старшины,
Что «рота состоит наполовину
Из уклоняющихся от войны»!

В подвалах гулких блиндажей
Не доживали до атаки,
И он по-прежнему в душе
Считал, что «скверные вояки»!..

Сам был первейшим на счету,
И было впрямь на то похоже,
Что мог гранаты на лету
Хватать,
Когда был помоложе!

Он был придирчивый и едкий,
Всегда угрюм и нелюдим,
И скандалисты из разведки
Вытягивались перед ним.

По выжженным его сединам
Никто бы не сказал о том,

Что он имел мальчишку, сына,
Который хвастался отцом,

Что у него одно на свете:
Найдет парнишка или нет
В последней фронтовой газете
Его, с медалями, портрет?!

...Когда солдату только двадцать,
Не знает он, как надо злей,
Сильней,

расчетливее
Забавляясь
своих
детей!

ГИМН ДРУЖБЕ

На фронте — атака иль артналет —
Отвагу терять нельзя:
Там рядом умелый и смелый народ,
Испытанные друзья.

Я верил, что с ними не пропаду
И встречу победный тост.
Я верил не только в свою звезду,
Но в свет наших общих звезд!

А после войны
Заблудился я
Однажды в тиши лесной.
Деревья, что были мне как друзья,
Стояли глухой стеной.

Порхали птички среди ветвей;
Равнодушные, в стороне.
И первый раз — без людей, без друзей —
Сделалось страшно мне.

С тех пор я о дружбе всегда пою
И верен ей потому:

С друзьями не страшно даже в бою,
Но страшно быть одному.

Дружба в работе и дружба в беде
Нам руки дает свои.
Мужчине надежная дружба везде
Нужнее даже любви!

Я так бы хотел свою жизнь прожить,
Чтоб быть на ветру кругом,
Я так бы хотел с друзьями дружить,
Как с железом — бетон.

В ГОСТЯХ

(Шутка)

Мы приходим гостями
В приветливый дом,
А потом за вином обо всем забываем:
Озорные «гусарские» песни поем
И чужих добродетельных жен обнимаем.

Члены разных комиссий,
Кандидаты наук,
Многодетных семей безупречные
стражи,
Мы такими шальными становимся вдруг,
Что любые гусары подивились бы даже!

Серым пеплом осела на нас седина,
Но еще мы не стары, приятель, не стары,
И недаром, приятель, за чаркой вина
Просыпаются в нас удалые «гусары»!

Это вновь просыпается молодость в нас,
Та, которая честно под пули ходила,
Та, которая шумно грешила подчас,
Но в боях ни себя, ни врагов не щадила!

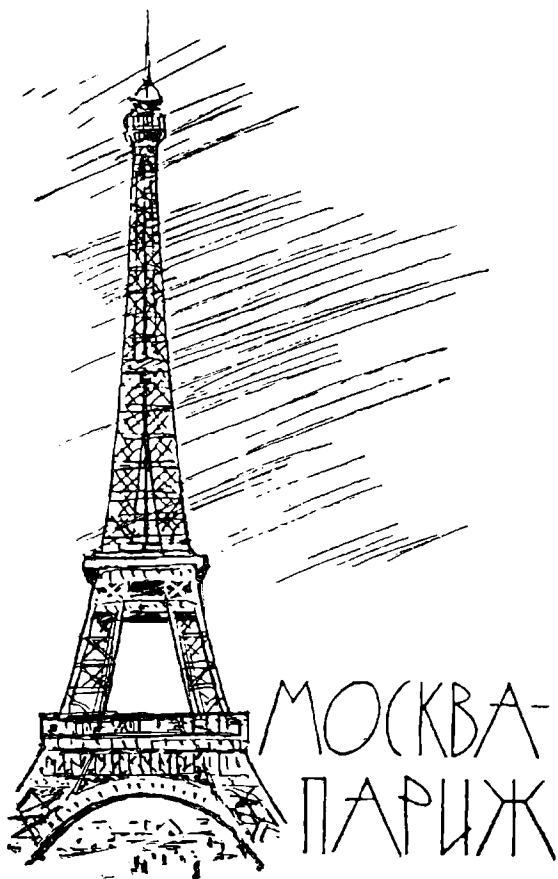
Так пускай же не судят нас строго, когда
Под журчанье вина и под звуки гитары
Просыпаются в сердце былые года,
Просыпаются в нас удалые «гусары»...

ЕЖИК

Вся кожица у ежика в иголках,
Как щеточка для пишущих машин.
А сам он — безобиднее котенка,
Его в ладошках носят малыши.

Мы, русские, характером похожи:
Бери, коль хочешь, сердце на ладонь.
Но есть в душе у нас такой же ежик.
И лучше ты не тронь его! Не тронь!

Он с виду — кроткий, крохотного роста,
Но только разозлить его посмей!
Он без труда, обыденно и просто
Берет за горло ядовитых змей!

ПЕРВАЯ ПАРИЖАНКА

Я представил себе заранее,
Как в пути первый раз увижу
Знаменитым очарованием
Озаренную дочь Парижа.

Я бы так сказал, например:
«Герцогиня или служанка,—
Ву, мадам, премьер паризьен!
(То есть: первая парижанка!)

Многих женщин потом не раз
Я увижу ясней и ближе,
Но невольно всегда по вас
Буду я судить о Париже».

Вот к сигнальным огням Бурже
Мы снижаемся спозаранку,
И я вижу вблизи уже
Мою первую парижанку.

Гроном глушит аэродром,
И она, ничем не фасоня,
К самолету спешит с ведром
В бирюзовом комбинезоне.

Я не понял: сколько ей лет.
Может, вовсе немолода.
На губах, однако, помада.
Как принцесса, красива? Нет.
По-парижски изящна? Да.
Обаятельна. То, что надо!

Я клянусь: ловцы барыша
К ней с похабщиной не полезут.
А видать, и впрямь хороша —
Запоем когда Марсельезу!

— Ву, мадам, премьер паризьен!
Здесь не сделал Париж ошибки! —
Улыбнулась: — Мерси, месье! —
Столько солнца в ее улыбке!

Я в Париже видал девиц
Изощренных (как на рисунке),
С томной маской капризных лиц,
Гибких, тоненьких, точно струнки.

Я видал «утомленных» дам,
Что живут на роскошных дачах
И кокетливо по утрам
В сад выводят гулять собачек.

Я девчонок видал дурных,
Что, бродя по Большим бульварам,

У отелей недорогих
Промышляют живым товаром.

Но никто уже никогда
В моей памяти не заслонит
Эту гордую дочь труда,
В чистом, честном комбинезоне.

Пусть немало кривых теней
Я в парижских ночах увижу,
Все ж я буду судить по ней
О дочерях Парижа.

И я думаю не впервой:
Мне бы было и вправду жалко.
Окажись чуть-чуть не такой
Моя первая парижанка.

УТРО

За окном парижской гостиницы
Шум рассвета течет в проем.
Точно улица — именинница
И готовит большой прием.

Кто-то там над цветами трудится,
Кто-то пыль метет с мостовой,
Кто-то в летнем кафе, на улице,
Моет столики под листвой.

Еще дрыхнут в постелях ротшильды,
Спят воры, проститутки спят.
Хлеб везут ломовые лошади,
Люди метлами шелестят.

Это — подлинные хозяева,
Как всегда, от земли до крыш,
На рассвете рожденный заново
Чистят сказочный свой Париж.

Выметают рекламки стриптиза,
Запах рома и прочий вздор,
Чтоб насквозь, как хрустальный,
Елисейских полей простор!
виделся

Чтобы там, где вчера развратники
Обнимали шлюх до зари,
Вновь сверкали, как виноградники,
Тюильрийские фонари!

Чтоб иконным светиться золотом
Жанне д'Арк с высоты крутой!
Чтоб законно гордиться городом,
Вековой его красотой!

Чтоб ажурная башня Эйфеля,
Тонкий нос к облакам задрав,
На рассвете смотрела весело,
Словно выкупанный жираф!

ПАРИЖСКИЕ БРОДЯГИ

Похожи на бездонные кошмары
Парижские бездомные клёшары.

Они по спящим улицам кочуют,
Они на рынке в ящиках ночуют,

Под пышной аркой на святом огне
Пекут картошку в ржавом чугуне...

Париж блестит, лучами коронованный,
Никелированный, неоновый,
нейлоновый,

И сытым буржуа с Больших бульваров
Нет дела до оборванных клёшаров.

Никто их жалким видом не обижен:
Они слынут «экзотикой Парижа»...

Но я спросил бы праздничный Париж:
Зачем ты, город, сам с собой хитришь?!

Кто эти люди, спящие в уборных,
Чьи сыновья легли в боях упорных?!

Неужто же им вправду на панели
Спать веселей, чем в собственной
постели?!

Неужто впрямь противен им уют?!
А если пьют... так, может, с горя пьют?!

ПЛАС ПИГАЛЬ

Плас Пигаль в огнях вечерних,
И парижские девчонки
Продают «для развлечения»
Неприличные книжонки...

Вот стоит...

— Месье, не купите?

— Нет, конечно. Никогда.—

Усмехнулась:

— Деньги копите?

Иль вы, может, русский?

— Да!

Вероятно, в жизни горестной
Ей всего пришлось узнать,
А вот тут вдруг стало совестно
Этой дрянью торговать!

Вот и все. Добавлю в частности
Как я горд, что нас везде
Узнают по непричастности
К разной грязной ерунде.

РУССКИЕ В ПАРИЖЕ

На парижских проспектах
(Ты постой, не перечь!)
Мне случалось нередко
Слышать русскую речь.

Эти официанты
И шоферы такси —
Видно, сплошь эмигранты
Из дворянской Руси.

Носят пестрые блузки,
Пьют чужое вино..
Их французы за русских
Не считают давно.

Но не прочь парижане
Поглядеть: каковы
Те, кто к ним приезжают
Из далекой Москвы?!

Здесь вас прямо с момента
Приземленья в Бурже
Обступают легенды
О «русской душе».

Людам знать любопытно:
Кто им солнце вернул?
Об кого это Гитлер
Себе шею свернул?

Как он спас всю планету,
Этот стойкий народ,
Что пускает ракеты.
И о мире поет?!

Что балетом прославлен —
Слаще сказочных снов —
И солдатским ансамблем
С батальоном басов!

Здесь, с парижских бульваров,
Нас видать во весь рост,
Здесь я — Юрий Гагарин,
Достающий до звезд.

Пусть с немодною шляпой,
С виду очень простой,
Здесь я — Блок и Шаляпин,
Пугачев и Толстой!

Для хорошего люда
На нерусской земле
Каждый русский как чудо,
С чутким сердцем — в Кремле!

КИНОЗВЕЗДА

Брижит Бардо

О, можно ли киноартистке,
Которой «вив» кричат кругом,
Бродить по улицам парижским,
Кормить детишек за столом?!

В уплату за большую славу
Она должна швырнуть в толпу
Законное людское право
Иметь спокойную судьбу.

Никто не знает, сколько риска
На съемках свадеб и погонь,
Как учится киноартистка
Скакать, стрелять, вбегать в огонь...

Зато все ловят с интересом
Ее проступки и грехи,
Все жаждут вычитать из прессы
Ее «преступные» шаги!

Пускай живет она бездетной,
Пусть франты в лаковых усах

Ее, как сладкую конфетку,
Раскутывают на глазах.

Пускай купается в нарядах,
Меняет платья и чулки,
Пока сама не выпьет яда
От злой обиды и тоски!

О, как в Париже жить непросто!
И даже тем, кто в блеске там —
Игрушкам славы,
Кинозвездам,
Принцессам световых реклам!

БОРДОСКИЕ ВИНА

(Шутка)

Французских вин знаток
Сказал: — Капризна мода,
Вне моды — лишь Мэдок:
Вино здесь слаще меда!

А мне уже давно —
Да как! — знакомо это
Бордоское вино,
Что Пушкиным воспето.

Я слышал, будто тут
С седых веков старинных
Воды почти не пьют:
Предпочитают вина!

О сладкая лоза!
О слава рук умелых!
Хочу я выпить ЗА
Бордоских виноделов!

За их талант! За то,
Что — впрямь под стать поэтам —

Прославили Бордо
На целую планету!

Пью за Мэдок, чей мед —
Больших трудов награда!
Пью за Шато Шасс-Сплэн —
В плену у винограда!

Пью за Шато Марго,
Чью марку каждый знает!
От этого Шато
Меня уже шатает...

Бордо — Мэдок

СТЕНА КОММУНАРОВ

Ажаны Парижа притворно любезны,
Но здесь их улыбок не надо ждать:
Лишь входим на кладбище Пер-Лашез
мы,
Ажаны орут: «Аппараты сдать!»

Кому это спать не дает?!
Кому надо,
Чтоб главную гордость
Французской земли,
Чтоб память о старой стене Коммунаров
Мы в фотокамерах не унесли?!

Зачем полицейский глядит так сердито?
Чего он тут бдительно сторожит?
Как будто бы в этой стене знаменитой
Не серые камни, а — динамит!

Здесь знамя Коммуны алело не даром
И славная кровь не напрасно лилась:
Потомки расстрелянных коммунаров
Сегодня скандируют: «Нет — ОАС!»

И город опять по-парижски запальчив:
«Долой всех фашистов, черт побери!»

И гибнет пятнадцатилетний мальчик —
Прямой коммунар! — Даниэль Фери!..

И, значит, Свободу не взять под стражу.
Стеной Коммунаров она рождена.
Еще им не раз свое слово скажет
На вид молчаливая эта стена!

ПАРИЖСКИЕ ЧУДЕСА

О загадочный град Париж!
Вижу: парочка мчит вприпрыжку.
Кудри, рыжие, как парик,
Модно стрижены «под мальчишку».

Брюки узкие до колен,
Блузки — ярче хвостов фазаньих;
А сиреневый взор сирен
Льет взаимное обожанье...

А какой поцелуй — взасос! —
Прямо днем, при всех, на проспекте!
Тут встает «половой вопрос»
В совершенно ином аспекте.

Я в парижских делах профан,
Признаюсь, разбираюсь слабо...
— Объясни, мой друг Антуан,
Кто из них — мужик, а кто — баба?!

Антуан, подавляя грусть,
С горьким юмором отвечает:

— Дело сложное тут. Боюсь,
Они сами уже не знают.

Не в почете мужская честь
И стыдливая стать девичья,—
У сверхмодных этих существ
Нет существенного различья.

До чего довел рок-н-ролл!
Алогичны, аполитичны,
Все забыли: и род, и пол!
Даже видеть их неприлично!

СЕРДЦЕ ФРАНЦИИ

Огонь и мрак ведут свой поединок.
Тут кто-то плачет, кто-то там поет...
Во тьме Париж похож на шумный рынок:
Хохочет, покупает, продает...
Но в городе, купающем в разврате
Дворцы и храмы, парки и мосты,
Есть площадь Кошута,
 где здание Компартии
Блестит во мгле,
 как крепость Чистоты!

Там ночь напролет, позабыв о покое,
Под яростным ветром сутулясь слегка,
Как сердце, как самое дорогое,
Рабочий патруль охраняет Цека.

Недаром, видимо, совсем недаром,
Сойдясь сюда из самых разных мест,
Богатые сынки — «блюзон-нуары» —
Под сумерками шляются окрест.
Для алчных покорителей Алжира,
Для плутократов, затаивших злость,
Для буржуа, лоснящихся от жира,
Цека Компартии —
 точь-в-точь как в горле кость!

И если только бы они смогли бы
Хоть на немного сделаться сильней,—
Они все здание в щепки разнесли бы,
Забыв о «демократии» своей!

Но рядом всю ночь, позабыв о покое,
Под яростным ветром сутулясь слегка,
Как сердце, как самое дорогое,
Рабочий патруль охраняет Цека!

Упорно длится поединок классов,
Враг копит бомбы, тьма сгущает гнет.
Но, как давно предсказано у Маркса,
Над целым миром Солнца свет взойдет!
Багряным пламенем струясь по крышам,
Когда-нибудь (не ведаю когда)
Взойдет заря над праздничным Парижем,
Над городом Свободы и Труда!

ЗАМОК КАРКАССОН

Мне даже как-то стало страшно,
Когда вдали возник, как сон,
В зубцах, в рубцах, в стрельчатых
башнях
Старинный замок Каркассон.

Стоит ощеренный, как львица,
Еще в дыму былых осад,
И все бойницы, как глазницы,
С немой враждебностью глядят.

Пчела, когда теряет жало,
Она и дня не проживет.
Что ж! И романтика, пожалуй,
Без шпаги рыцарской умрет?!

Я верю, верю, что на деле
Литые латы — не пусты,
Что до конца не проржавели
В цепях подъемные мосты,

Что в этих гулких амбразурах
Еще не смолкнул звон подков
Былых турниров трубадуров
И рыцарей былых веков!

МОРСКОЕ ДНО

В Монте-Карло попав,
как правило,
Выбирают из двух одно:
Кто — в Музей океанографии,
Кто торопится в казино...

Я пошел бродить по музею,
Где стеклянная тишина,
Где подолгу стоят глаза
На чудовищ морского дна.

Из каких пучин, из-под спуда,
Извлечен этот скользкий скат,
Эти змеи, щупальца спрутов,
Этот рыбий бесплотный взгляд?!

Жилы стынут от этой мрази.
Ухожу скорей в казино.
А в глазах, как склад безобразия,
Шевелится морское дно...

...В казино, углубившись в дело,
Будто это серьезный труд,

Пожилые миллиардеры
Молча выиграши гребут.

В голубых париках старухи
Прихоть случая сторожат,
И холеные, в перстнях, руки
На зеленом сукне дрожат...

И, наверно, я что-то спутал,
Потому что увидел вдруг
Те же щупальца черных спрутов
Вместо белых холеных рук.

Я увидел с собою рядом
Все, что прятала глубина:
Лица с рыбьим, холодным взглядом,
Мерзких тварей морского дна,

Неулыбчивых, скользких слизней,
Что живут без чувств, без мечты,
Отгороженные от жизни
Километрами темноты.

Монте-Карло

ПАРК САМОУБИЙЦ

Сколько в мире всяческих маньяков,
Разных изуверов и тупиц!
Существует княжество Монако,
Есть в Монако «Парк самоубийц».

За рулеткой ночь сидят, играют,
А наутро (так заведено)
Со скамеек в парке соскребают
Кровь людей, казненных казино.

Если кто продулся до сантима,
Принц готов обратный дать билет.
Но уж раз судьба неумолима,
Здесь предпочитают пистолет!

В парке пальмы в ласковом узоре,
Все кругом красивое на вид.
Только не на море, а на горе
Это злое княжество стоит.

Кто-то рядом нежится на яхте,
Даль небес лазурна и чиста.

Как же в мире на такой неправде
Держится такая красота?!

Девушки цветы везут из Ниццы.
Апельсином пахнут ветерки.
На песке лежат самоубийцы.
Порохом обкурены курки.

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

Кавалькады из «кадилаков»,
«Фордов» и «ситроэнов»
В слепящем каскаде лаков
Везут на юг джентльменов.

И вот лазурная Ницца
На солнечных берегах —
Почти как синяя птица —
Трепещет у них в руках.

А дальше — еще шикарней! —
Над бездною голубой
Красавица Монте-Карло
Играет людской судьбой...

Зачем же под эти пальмы
Попали и мы — туристы —
В московских рубашках парни,
Комсомольцы и коммунисты?!

Кого-то терзает зависть
К едущим за границу:
— Счастливый какой, «мерзавец»,
Увидит Марсель и Ниццу!

А что там?! Лежать на пляже?
Пижонить? Играть в рулетку?
Пока товарищи наши
Спешат кончать семилетку?!

Не верьте! Туризм — не отдых!
Пусть ревность будет забыта!
Нелегкая это работа —
Знакомство с буржуйским бытом!

Ну где же здесь, братцы, счастье,
Когда при вас на бульваре
Художник — хороший мастер! —
Рисует на тротуаре!

Какой это, к черту, отдых:
Бродить по нарядной Ницце,
Смотреть в глаза безработных
И безрезультатно злиться?!

Иль видеть, как вертят хвостиком,
Поддерживая юбчонки,
Девчонки на острых гвоздиках,
Голодные, как собачонки?!

Ох, как тут домой охота,
К московским сердцам открытым!

Нелегкая это работа —
Знакомство с буржуйским бытом!

Париж — Москва

С О Д Е Р Ж А Н И Е

НОВАЯ ВЕСНА

На улице	7
Друзьям-геологам	9
Ожидание	10
Опять весна	11
На речном трамвае	12
На рассвете	13
Верю	15
В отеле «Модерн»	16
Руки Партии	18
Хозяйская походка	20
Соболя	22
Первому космонавту	23
Студенты точных наук	24
Бескорыстие	26
В роддоме	27
Конь	29
Простая любовь	31
Балконы	32
Вернувшимся	33
Школа в переулке	34
В доме дочери	35
Магазин игрушек	36
Инвалид	37
Весеннее напутствие	39
Разговор с Горьким	40
После свадьбы	42
Вечерний дождь	44

На концерте Имы Сумак	45
Имя поэта	46
Лель	47
Фото	48
«Цветочки»	49
Мечта	50
Красивая девушка	51
Настоящая любовь	52
Ключ	54
Рыцари из романов	55
Красивые слова	56
Апрель	57
Люди становятся звездами!	58

ПУТИ-ДОРОГИ

Весной	61
В поезде	62
На дальней станции	63
Русское слово	64
Сказки	66
Паровозный гудок	67
Спецкорреспондент	69
На родных дорогах	74
Анфиса	76
Афанасьич	77
«Ковры»	79
В приморском городе	80
Шут	82
Спасательный круг	84
Я в гору шел	85
Лермонтов	86
На катере	88
В гостях у друга	89

БЫЛА ВОЙНА

Подвиг	93
Санлетучка	95
Госпитальная ночь	97

Старшина	99
Гимн дружбе	101
В гостях	103
Ежик	104

МОСКВА—ПАРИЖ

Первая парижанка	107
Утро	110
Парижские бродяги	112
Плас Пигаль	113
Русские в Париже	114
Кинозвезда	116
Бордоские вина	118
Стена Коммунаров	120
Парижские чудеса	122
Сердце Франции	124
Замок Каркассон	126
Морское дно	127
Парк самоубийц	129
Лазурный берег	131

Игорь Иванович Кобзев

ЛИЦОМ К СОЛНЦУ

Редактор Д. А. Смирнов
Художник В. А. Савостьянов
Худож. редактор Н. Л. Юсфина
Техн. редактор Р. А. Медведева
Корректор Л. П. Пономаренко

Сд. в наб. 23.VII.63 г. Подп. к печ. 16.IX.63 г.
Форм. б. $70 \times 90 \frac{1}{32}$. Физ. п. л. 4,25.
Усл. п. л. 4,97. Уч.-изд. л. 3,44. Изд. инд. ХЛ-668.
А0 9065. Тираж 50 000 экз. Цена 17 коп.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Фабрика высокой печати
издательства «Советская Россия».
Г. Электросталь, ул Школьная, 25.
Заказ № 2973.

17 коп.

СОВЕТСКИЙ РОССИЯ